

ПОТОПЉНА ПЕШТА

ОДЪ

ІОАННА СУБВОТИЋА

На помоћъ страдавшы потопомъ одъ
1. Марта 1838 Србаля у ади Чепелю.

19772

II 7/2
11-33

P. 19 Ср II 698. A

ПОТОПЛЪНА ПЕШТА

О Д Ъ

ІОАННА СУВБОТИЋА.

5313

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

У Б У Д И М У,

Писмениы Крал. Университ. Пештанскога 1838.

СН 1059
Две

Gott dachte sich selbst, — — —
Und den Sünder, das Menschengeschlecht. Da ergrimmt
er, und stand itzt
Hoch auf Tabor, und hielt den tieferzitternden Erdkreis,
Daß er nicht vor Ihm vergieng.

Messias. V. Gesang.

Überschwemmung Pest's.

1. 1. 1.

БЛАГОРОДНОМЪ и ВЫСОКОУЧЕНОМЪ

ГОСПОДИНУ

ΘЕОДОРУ ПАВЛОВИЧЪ

ЗАКЛЕТОМЪ ОБОИ УНГАРСКИ ПРАВА ТАБУЛАР-
НОМЪ АДВОКАТУ С. С. КРАШОВСКЕ И ЧАНАД-
СКЕ ВАРМЕЪЕ ТАБУЛЕ СУДЕЙСКЕ ПРИСЪ-
ДАТЕЛЮ, СРЪСКОГЪ НАРОДНОГЪ ЛИСТА
И СРЪСКИ НАРОДНЫ НОВИНА ИЗДА-
ТЕЛЮ, ТИЙ И ЛЪТОПИСА СРЪСКОГЪ
УЧРЕДНИКУ

П. П.

Аукторъ.

PLATONIS ET ARISTOTELIS

PHILOSOPHIA

GEORGIUS BARBARUS

PLATONIS ET ARISTOTELIS

PHILOSOPHIA

PLATONIS ET ARISTOTELIS

PHILOSOPHIA

PLATONIS ET ARISTOTELIS

PHILOSOPHIA

PLATONIS

Благородный и Высокоученый

Господине!

Лідійскій камень злата вредность,
И Нужда явля пріятель,
А Бѣда духу обнажава
Богатство мыслей и снагу волю,
Ты мое Мусе чисто грло,
Танког' Квинтилій осеѣаня,
На художественны правила
Огледашь харфи, и као майка
Люблѣной ѣрки, кадъ се справля
Примити прстенъ невѣстинскій,
Чась косу лицу прилюблюешь,
И цвѣтъ задевашъ приличніи,

(*)

Поясь іой чась цѣломудреный
Пристежешь, да іой виткость струка
И цѣна нѣдра лабудовог'
Женика любовь, сродны поносъ,
Окуе очи, желю свѣта,
И жарке роди прятелѣ.
Ево іе цѣлымъ са уборомъ
За храмъ Народа преправлѣне;
Аль іой образи гору стыдомъ
Криньбѣлый зракомъ ютра првымъ,
Спустила травы быстро око,
Нить дерза ногу боязлива
Крочити съ места: мужествену
Пружи іой руку неизвестный
Могуѣну коракъ управити,
И вышшимъ рода престодима

Свудь радо словомъ представи је .
Примлѣнымъ, Августу любезный
Меценать, и усрећену
Осмейкомъ стари предай је
Етрава полюбцу, заова
Наруч'ю, и рода услуги.
Онда ќе свуда быти радо
Примлѣна; Народъ Тебе любви
Светога Саве, и нѣговог'
Участникъ чувства, дальный Сѣверь,
И Полякъ чуе радо Твое
Име, и златный Прагъ се Твоме
Радуе труду, као и братскій
Союзъ Хорвата, и младый Пожунь.

У Пешти на Бурѣевъ дань 1838.

Аукторь.

П Р В А П Ъ С М А

Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка.

Языковъ.

О ты, коя у тиим' нѣдрама
Све негуешь што ти преда Быѣе,
Ведрa Пѣсмо, съ ружичног' холмиѣа,
Гди Естество сматрашь твараюѣе,
И проничешь у ковнице тайне,
И живота скрывену камару,
Одъ кудъ дани являю се бѣли,
И прилике изничу разума;
Садъ ми доѣи, ил' си ме пренеси,
А у твое лаѣане сѣнице,
Да те слушамаъ свеколикомъ снагомъ,
Кадъ ми пѣвашь, да одпѣват' могу,
Што ми кажешь да добро утубимъ,
И да право могу толковати;
Ерѣ ты седишь на извору быѣа,
Изъ ког' свега постанакъ изтиче,
И у быстром' проничешь таласу,
Коя сила у животъ га иззва,
И куда му теѣи заповѣди,
Юшть и вѣрно то казуешь свѣту,

П Р В А П Ъ С М А

Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка.

Языковъ.

О ты, коя у тиим' пѣдрама
Све негуешь што ти преда Быѣе,
Вебра Пѣсмо, съ ружичног' холмиѣа,
Гди Естество сматрашь твараюѣе,
И проничешь у ковнице тайне,
И живота скрывену камару,
Одъ кудъ дани являю се бѣли,
И прилике изничу разума;
Садъ ми доѣи, ил' си ме пренеси,
А у твое лаѣане сѣнице,
Да те слушамаъ свеколикомъ снагомъ,
Кадъ ми пѣвашь, да одпѣват' могу,
Што ми кажешь да добро утубимъ,
И да право могу толковати;
Ерѣ ты седишь на извору быѣа,
Изъ ког' свега постанакъ изтиче,
И у быстром' проничешь таласу,
Коя сила у животъ га иззва,
И куда му теѣи заповѣди,
Юшть и вѣрно то казуешь свѣту,

Да разуме и да се научи,
 На том' вѣру каменѹ сазида;
 Єдна вѣра блаженства основа,
 А све знанѣ за чистіе главе,
 И за груди кое стра нестеже,
 И за срце, кое съ обе стране
 На еднаке осланя с' подпоре,
 Равно стѣни, коя круту главу
 Нит' Сѣвера претнѣи леденога,
 Кадь іе біе огнѣмъ и громовы,
 И буряма, коим' крыла стежу
 Мілліони прегрднои тежина,
 Да юришомъ землю непревале, —
 Нити Юга моленю мирисног',
 Кадь іой ласка меденым' пѣсмама,
 Ил' мирисы духа силніега,
 Негъ Токая найзреліе грозѣ,
 Кадь се спреми честитым' рукама,
 И о крстном' гостима имену
 Изнесе се на софру богату, —
 Не попушта, нити се покланя,
 Нит' се люти, нити разгалюе,
 Веѣь за свою знаюѣи єдрину
 Оно гледа, што є предъ очима,
 Оно хоѣе, што є за исканѣ.
 — У мирисном' купало се цвѣтку
 Ярκο сунце после ноѣног' санка,
 Да му лице свѣтліе засине,

И очице быстріе погледе;
 Путь дугачакъ предъ нѣмъ, є отворенъ,
 Око свѣта, гди народи живе,
 Майке дѣцу негую неяку,
 А дѣвойке грле любезнике,
 Любовь иште да є небо ведро,
 И вѣтрови престану отровни,
 А на бой се изискує снага,
 Снагу дає рана и спаванѣ
 Ал' спаванѣ на меканом' крылу
 Ял' на топлым', пребѣлым' нѣдрама
 Ил' майчице, или любовнице,
 Као и земля што є сунцу люба,
 И што га є ноѣось неговала,
 Рано ютрось росу му просула,
 Да уміє съ образа полюбце
 И у вече недирнут' се врати,
 Да опере са очію чини,
 Коим' га є синоѣь успавала;
 Славуї женки пѣсмомъ преповѣда,
 Шта є сніо и у сну видіо,
 А она му ништ' неодговара,
 Већ' ил' тужи, или се радує,
 Добро жели, одъ Несреѣе зебе,
 Нико незна, шта ће дочекати;
 Мала шева ютра посестрима,
 И Данице вѣрна другарица,
 Подиже се у златне облаке,

Побратима видит' сѣдающег',
 И сестри се бледеюй приближит';
 Быстрый потокъ, глатко огледало,
 По ком' Сунце косе разрежуе,
 Чисте цвѣху свое капль дае,
 Да ии мирись Подне изсисава,
 И етирске напая анѣлке,
 Кои вѣрне облетаю слуге,
 Хранителя човечества снажногъ,
 И на устне внимаюћи знаке,
 Лете мысли извршити пуне
 Благослова, Среће и Напредка,
 Да се Людство слави и весели,
 Срцемъ болѣ, а умомъ свѣтліе.
 Онъ се шеће по росной травицы,
 Красну главу діадемъ му любви,
 У ком' пламти Сирие преградный,
 Кои веіій нег' хиляду други
 Увѣкъ маный очима се каже;
 На чело му брыга о болѣму
 Лаку зоре маглу е навукла,
 Коя земли тиіо падаюћи
 Мртво диже а живо помаже,
 А и небу одузима стрѣле.
 Кажу люди да у Америкі
 Има море быстро и провидно,
 Да се свако, кое се надвири,
 Види чело, одъ майке роѣно:

Тако свако сушчество на свѣту
 У оку се види Хранителя,
 Какавъ животъ, какву има снагу,
 По каквымъ се законима влада,
 И како е кадъ найбогатіе,
 Да богатство човечеству сручи.
 У руцы му два златна пѣара,
 Еднимъ сузе дочекуе туге,
 А у другій сласти и веселя,
 Кое каплю изъ лѣпы очію.
 Кадъ година свой шестаръ обиђе,
 И пропадне у крыло небыѣа,
 Да преѣашность скопча съ будуѣноску;
 У тренуѣ, кадъ време невлада,
 Сузе огню Хранитель прилаже,
 Претапля ии у новій ужитакъ,
 И новоме дае теченію.
 Алъ гди сила престае времена,
 И у нѣму ништа неостае;
 Као и оно, што за нѣга живи,
 Необстае, веѣь пада безсилно:
 И Хранитель Човечства безмѣрне
 Наймилии любимаць вѣчности,
 Кадъ за люде смрти изложене
 Бригу води и снагу полагае,
 Дѣло свое Судбини подлаже,
 Коя силна изъ нѣдра вѣчности
 Надъ временомъ влада бѣгаюѣимъ,

И простору границу полаже,
 Овом' дае, оном' одузима,
 Садъ поклони, а садъ' натрагъ иште,
 А у свему по вољи се влада,
 Коя мѣну никадъ непознае,
 Нити знаде быт' неизпунѣна.
 Брижанъ Геній по полю се шеће,
 Нити слуша на музику луга,
 Нит' потока чуе жуборенѣ;
 Лѣпа глава на прси клонула,
 Као златанъ на њивама влатакѣ.
 Онъ уздане, и сузе му грону:
 Тежком' срцу суза одлакшанѣ,
 А уздисай прси разшируе,
 Јака бѣда, докѣ одпирка нема.
 Заплачесе Чсвечства Хранитель,
 Зацени се у сузама горким';
 Пита њѣга првый одъ духова,
 Заповѣсти кои му свршую:
 Шта е теби милый Господару,
 Што ты ронишь сузе изъ очію,
 Што ли њима образе заливашъ;
 Или те е кои увредію,
 Или те е санакѣ уцвѣлію,
 Кажи нама вѣрным' служительма,
 Твоя воля нама е заповѣсть.
 Ако те е кои увредію,
 Увреду ѣе стогубо платити;

Ако ли те санакъ уцвѣлю,
 Санъ е лажа, Судба е истина.
 Геній нѣму тихо одговара:
 Вѣрна слуго, брижльивый Прозраче,
 Найстаріи одъ мои духова,
 Найстаріи и найпаметніи,
 Ніе мене нико увредіо,
 Нити пада на мене увреда,
 А ни санъ ме уцвѣлю ніе,
 Увекъ буданъ снівати немогу;
 Веѣь послушай моя вѣрна слуго,
 Послушай ме па ѣешъ разумѣти,
 Шта ме тишти, шта ли ме печали.
 Видишь тамо брегове Дунава
 Цвѣтаюѣе богатомъ пшеницомъ,
 Украшене цвѣтнымъ ливадама,
 Начичкане бѣлымъ градовима;
 Онъ поносанъ избаца таласе,
 Снагу свою на самъ себи куша,
 И люти се пѣну дизаюѣи,
 Свакомъ прети, кои га увреди;
 Та ѣе снага у бѣснило доѣи,
 Разтргну-ѣе набачене ланце,
 Преюри-ѣе високе брегове,
 Разори-ѣе богату пшеницу,
 Изгази-ѣе мирисне ливаде,
 Поруши-ѣе села и градове,
 Уцвѣли-ѣе майке и любовке,

Дѣчицу ѣе у црно завити,
 А мужеве дати у просяке,
 Тако хоѣе Судба неумитна.
 Веѣь ты чуй ме моя вѣрна слуго,
 Де привежи твоя хитра крыла,
 Предѣь коим' се сакрываю муѣь,
 И одѣь коїи помишляй се стиди;
 Узми крыла у воздухъ се спусти,
 И похити право на Дунаво;
 Немой пасти Бечу у Тесара,
 Нить Нѣмачкой земли наученой,
 Веѣь се нави далѣь у напредакъ,
 У Унгарску землю поноситу,
 Гди'но видишь да се Пожунѣь бѣли;
 Пожунцыма добарѣь данѣь поздрави,
 Па похити граду Коморану,
 И Коморанѣь съ добарѣь данѣь поздрави,
 Па похитай ниже Острогону,
 Ту се дуже позадржи слуго,
 Острогону оштра судба прети,
 Кажи нѣьму некѣь се добро чува,
 Па похитай далѣь у напредакъ,
 Све по брегу и по островима,
 Те некѣь тугу чекаю преправни;
 И одатле далѣь се оправнн,
 Пешти хити и бѣьлом' Будиму,
 Гди є свѣьтла круна Матиина,
 И Унгарске срце поносите.

Пешто, Пешто, гдна рано моя,
 Поносисе, за кратко ђешъ време!
 Срце ми се у прсима цѣпа,
 Ал' ти рука помоћи неможе.
 То е туга, што ми прси стеже,
 То е жалость, што ми сузе цѣди.
 Будимъ брани тврда Хелвеція
 Съ Норическим' своим' бедемима,
 Али Пешта нигди ништа нема,
 Ванъ свог' блага, свои магазина,
 Страшно ђе је Дунавъ уцвѣлити,
 Неће Пешта Пешту познавати.
 Већъ ты пређи моя вѣрна слуго,
 Изъ високог' дигни се Будима,
 Гди е свѣтла круна Матиина,
 И прелети бунтовногъ Дунава,
 Прелети га и у Пешту падни,
 А предъ лице Началника граду,
 Поздрави га како редъ зактева,
 И како е тамо вілаета,
 Па му кажи, шта мысли Дунаво,
 И на какавъ покоръ се преправля,
 Већъ да гледа да народъ одбрани:
 А тако му мила породица,
 И тако му душе спасеніе
 Мило было и Среѣа земальска,
 Нека зида високе бедеме,
 И широке подиже насипе,

Нека гледи докъ е за раніе ,
 Да га бѣда у послу не нађе.
 Быти мора ал' о маньой бѣди ,
 Маня бѣда пола е добытка. —
 Овде Геній бесѣду пресѣче ,
 У нѣдру се туга осилила ,
 Наставити не даде му рѣчи ,
 Веѣь га бацы у немиле мысли.
 Али слуга текъ е саслушао ,
 Веѣь е хитра привезао крыла ,
 Крыла везао у воздухъ скочіо ,
 Похитао право на Дунаво ,
 Ал' не пао Бечу у Тесара ,
 Нит' Нѣмачкой земљи наученой ,
 Веѣь се нави далѣ у напредакъ ,
 У Унгарску землю поноситу ,
 Гди 'но спази да се Пожунъ бѣли ;
 Пожунцыма добаръ данъ поздрави ,
 Па похита граду Коморану ,
 И Коморанъ съ добаръ данъ поздрави ,
 Па похита ниже Острогону ;
 Ту се слуга дуже забавіо ,
 Учіо га да се добро чува ,
 Острогону оштра Судба прети ,
 Учіо га, оданде прнуо ,
 Похитао далѣ у напредакъ ,
 Све по брегу и по островима ,
 Те да тугу чекаю преправни ;

И одатле далѣ се дигао,
 Пешти хити и бѣломъ Будиму,
 Гди е свѣтла круна Матиина,
 И Унгарске срце поносите;
 У Будиму дуго с' небавіо,
 Поноситой Пешти прелетио,
 Спустио се Началнику града,
 Предъ нѣмъ стао и поклоніо се,
 И овако нѣму започео:
 Весели се града Началниче,
 Весели се никадъ неплакао!
 Лѣпъ ти поздравъ изъ вышше деснице,
 Лѣпъ ти поздравъ и наука важна.
 Видишь ове брегове Дунава,
 Цветаюће богатомъ пшеницомъ,
 Украшене роснымъ ливадама,
 Начичкане бѣлымъ градовима,
 Онъ поносанъ избаца таласе,
 Снагу свою на самъ себи куша,
 И люти се пѣну дизаюћи,
 Свакомъ прети, кои га увреди;
 Та ће снага у бѣснило доћи,
 Разтргну-ће набачене ланце,
 Преюри-ће високе брегове,
 Разори-ће богату пшеницу,
 Изгази-ће мирисне ливаде,
 Поруши-ће села и градове,
 Уцвѣли-ће майке и любовке,

Дѣчицу ће у црно завити,
 А мужеве дати у просяке,
 Тако хоће Судба неумитна.
 Већь Хранитель човечества снажный
 На твою се ослонио главу,
 А на главу и на срце меко,
 Налаже ти да народъ одбранишь,
 А тако ти мила породица,
 И тако ти душе спасеніе
 Мило было и срећа земальска;
 Да високе зидашь бедемове,
 И широке подижешъ насипе,
 И да гледашъ докъ є зараніе,
 Да те бѣда у послу ненаѣе.
 Тако сврши найстаріи слуга,
 Найстаріи, и найпаметнии,
 Одъ духова многи и различни,
 Кои служе Генію човеч'ства.
 А Началникъ кадъ саслуша рѣчи,
 Посланику лѣпо захваліо,
 А на труду и совѣту мудромъ,
 Захваліо, поздравъ повратіо,
 Као што треба и као што се пише
 И паметни уредише люди,
 Па се диже у Совѣтъ отиѣе,
 Гди старіи седише Грађани,
 Глава им' є као снѣгъ планинскій,
 Бѣла лица као у светаца,

У мудрости равне непознаю,
 Што є было, добро запамтили,
 Што ће быти управо проричу,
 И редко ии преварило време,
 Што хтедоше, свагда учинише,
 Наумише па и докончаше,
 Изрекоше па су извршили,
 Дуго мысле, ал' добро измысле.
 Совѣтъ диванъ подобанъ Атини,
 Или Риму кои свѣтъ пребацы,
 Као да га є бырала Минерва
 Изъ Олимпа славе прогонѣне.
 Ал' све звѣзде око не пребацы,
 Нити разумъ вѣчностъ прелетіо:
 Ко ће знати шта последнѣ сунце
 На пѣдрама дои непознатим',
 Ил' каква се подиже намѣра
 Изъ вѣчности крыла немышлѣне.
 Ни дно мора предъ човекомъ явно:
 Престоль Судбе скривенъ у небыће!

ДРУГА ПЬСМА.

Уиъ ладный оногъ води, а овога кишеѣе сердце.

Л. Мушицкій.

Вѣрный Прозракъ налогъ извршио,
 Обзрео се по пребѣломъ граду
 И тужеѣемъ пренуо Господару.
 Ал' Судбина са свога престола,
 Невиѣена само осеѣана,
 Нечувена само разумлѣна,
 Хитро спази посланика крыло,
 И проникне, шта е израдио,
 Те яростнымъ загрми облакомъ:
 Зарь е моя сила малаксала?
 Или волѣ крѣпость попустила?
 Или ярость срамно окована?
 Ил' osveta веѣь заборавлѣна?
 Грме рѣчи крозь пугте празнине,
 Као громови у шупльимъ горама,
 И зла совѣсть у нечистымъ грудма.
 Тресакъ слуге на ноге дигао,
 Кои су се предъ престоломъ силне
 Упрашину на лице бацыли.
 Они прену, а она повиче:

Слуге мое на ноге лагане,
 Крените се лађаном' Дунаву,
 Кажите му да му я налажемъ,
 Сву колику да изцрпи воду
 И таласе подигне прегрдне
 Као нигда одъ свога постанка.
 Нек' не дира Беча у Тесара,
 И Нѣмачку землю научену,
 Већъ некъ иде земљи поноситой,
 Гди 'но види да се Пожунъ бѣли;
 Подигло се нѣколико шака,
 Начинили край воде бедеме,
 Па се часте и пѣсме пѣваю,
 Кафу пию, димове пуштаю,
 Ругаю се и мени и нѣму.
 Већъ кажите лађаном' Дунаву,
 Некъ проуи покрай Коморана,
 Острогону некъ покаже снагу,
 Па одатле нека се подигне,
 Ваць поруши, Свет-Андрію свали;
 Па и одъ тудъ нека се подигне,
 И на Будимъ управи юрише,
 Што узможе нека тамо сврши,
 Па свомъ снагомъ на Пешту навали,
 Некъ је топи, некъ је развалюе,
 Докъ му снага бѣсни у нѣдрама,
 Да запамте што може Дунаво,
 Кадъ му ярость бѣснило запали.

То изрекне и снажна уђути,
 А свѣтови престану се трести.
 Нѣне слуге рѣчима покорне,
 Слепій Случай и Нужда гвоздена,
 Опреме се заповѣсть свршити,
 Еръ е Силна у ярости страшна,
 Мора быти што е наумила.
 Брзо стигну, кудъ су намѣрили,
 За часъ тилый у Швабской се нашли,
 Одъ кудъ Дунавъ разшилѣ таласе,
 Крозь Нѣмачку землю научену,
 И Унгарску землю поносити,
 У Србию, што юнаке рађа,
 И Стамболу граду честитоме,
 Те се може поносити холо,
 Кано друга рѣка ни єдина,
 Што с' у нѣму два виде Ђесара,
 Бечкій Ђесаръ, Султанъ Цариградскій,
 Што л' га моћне две помажу силе,
 Даню орао, а месецъ у ноћи,
 Те му нико досадит' неможе,
 Нить у подне нить око поноћи;
 Зато гордо и подиже главу,
 Нить и самой Райни се подлаже,
 Коя носи Бонапарту славногъ,
 А юнака, што га роди майка,
 Већ у своіой бави се дубрави,
 Задоволянъ па и удоволянъ,

Све весео за тугу незнао.
 Ал' и Шварцвалдъ зна кога закрыва,
 Найлешше му скупіо красоте,
 Ладне луге; сунчане чотове,
 Росно цвеће, пріятне мирисе,
 И птичице сладко пѣваюће.
 Кристалне му подигао дворове,
 И найлѣпшим' пресуо бояма,
 И найлѣпшим' и найживотніим',
 Те се блиста као у ютру роса,
 И као Дуге поясъ чудноватый;
 Јошть се чуе и любка мусика,
 Равна оной, што чуе дѣвойка,
 Кадъ је Любовь првый путь полюби!
 Ал' све мртво безъ живота пусто;
 Те и Шварцвалдъ Нимфе добавіо,
 Да играю, кадъ мусика свира,
 И пѣваю, кадъ срце заигра;
 А и устна момка цвѣтаюћег',
 Жельна сласти дѣвоячког' лица,
 И мириса нѣдра пребѣлога.
 Ту проводи сладке Дунавъ дане,
 И садъ съ Тиссомъ златну рыбу лови,
 Садъ се Дрини бацы око врата,
 На часъ съ Дравомъ у ловъ се опрема,
 Па се съ брзомъ утркуе Савомъ.
 Већ се сунце западу нагнуло,
 И вечерня родила се звѣзда;

Дунавъ сѣо те да се одмори,
 Око нѣга Нимфе забавлѣне,
 Єдна русу разпраля му косу,
 Друга свѣтло умива му лице,
 А треѣа му златный пearь пружа,
 Остале су коло начиниле,
 Те играю да га развеселе;
 Докъ и груби Судбе послаицы,
 Нестигоше, веселѣ покваре,
 И плашльиве разбѣгну се Нимфе,
 Ал' Дунаву лица су позната,
 Зна ии ко су, одъ куда долазе,
 И како ии валя дочекати;
 Предъ нѣима се до землѣ поклони,
 И зелену травицу цѣлива,
 Те и нѣима лице се разгали,
 И устне се говору отворе.
 Найпре Нужда гвоздена се яви,
 И гвозденымъ проромори гласомъ:
 Знашь Дунаве ко смо, одъ куда смо,
 Што смо дошли садъ ѣу ти казати:
 Она, коя, што хоѣе, свршуе,
 Што науми учинити мора,
 Руши, зида, ствара и пропасти,
 Своє волѣ пуна Господарка,
 Мени своме слуги поузданомъ
 Наложила, да ти заповѣдимъ:
 Да изцрпишь воду свуколику,

И подигнешь прегрдне таласе,
 Као нигда одь постанка твога;
 Да недирашь Беча у Ђесара,
 Нить Нѣмачку землю научену,
 Веѣ да идешь земли поноситой,
 Гди 'но видишь, да се Пожунь бѣли,
 Подигло се нѣколико шака,
 Начинили край воде бедеме,
 Па се часте и пѣсме пѣваю,
 Ругаю се и теби и нѣойзи.
 Веѣ проуи покрай Коморана,
 Острогону да покажешь снагу,
 Подигни се изподь Острогона,
 Ваць поруши, Свет-Андрію свали;
 Подигни се изподь Свет-Андріе,
 И на Будимь управи юрише,
 Што узможешь, свршит' не пропусти,
 Па свомь снагомь на Пешту навали,
 Топи, дави, руши и развалюй,
 Докь ти бѣсни у нѣдрама снага,
 Да запамте шта може Дунаво,
 Кадь му ярость бѣснило запали.
 Па и Дунавь на то се осмѣне:
 Докь є мене и мои таласи,
 Докь є мени Дуге послушльиве,
 Да ми воду изь мора додае,
 Та докь ми є Шварцвалда планине,
 Никадь неѣ похвалит' се нико,

Да се снажном' ругао Дунаву,
 И нѣгову силу презирао,
 А руганѣ не платіо горко,
 Презиранѣ у гробу свршіо.
 На то цыкне, те дотрче Нимфе,
 И вечеру изнесу господску,
 Све избране вкусне ѣаконіе,
 И најболѣгъ сушкарца Рустскога,
 Поносита когъ дае Унгарска.
 А кадъ ти се поднапише вінца,
 И дѣвойке кад' ии угреяше,
 Закликтао Дунавъ силовитый:
 А тако ми мое вѣре тврде,
 И заклетве никадъ незгажене,
 Поруши-ѣу, што є за рушенѣ,
 Обори-ѣу, што за свальиванѣ,
 Изврати-ѣу, што за извраћанѣ,
 Потопи-ѣу, што є за топлѣнѣ,
 Подави-ѣу мало и велико,
 Погуши-ѣу, што узима душу,
 Да се незна ни трага ни гласа,
 Нити да є што и када было.
 Пакъ и Случай те се разѣерета,
 И потегне изъ петины жила:
 Тако Побро, и честить ми быо!
 Удри, како можешъ изтегнути,
 А я ѣу ти быти у помоћи,
 Ни перо намъ умакнути неѣе.

И іоштъ едномъ Дунавъ се разорли:
Судба хоће, Дунавъ има снагу,
Тежко оном', кои трпит' мора!
Іоштъ по єдну свакій напунише,
Изручише па се разстадоше:
Слепый Случай и Нужда гвоздена,
Вратише се одъ кудъ су послани;
Дунавъ дома яростанъ остаде,
Лютећи се, люто псоваюћи,
И освету црну куваюћи:
Слава есте животь у юнака,
Снагомъ дише, коя стра зактева;
Не слави га, у животь му дирашь,
Не бой га се, и душу му цвелишь!

ТРЕЋА ПЪСМА

И съ моремъ дождь и градъ мѣшаеъ.

Ломоносовъ.

Юшть Зорица неуказа лица,
 Нить Даница звѣзде разагнала,
 Лютить Дунавъ лютито се прене,
 И скерлетну остави постелю,
 Па зацькне кано люта гуя,
 Кадъ последнѣ избаца отрове:
 Гди си Дуго, гди си Облачино,
 Неспавайте, никадъ неустале,
 Неснивайте, непробудиле се,
 Веѣь скочите, амо долетите,
 У невольи да ми прискочите.
 Башъ се Дуга у мору купала,
 Гди таласи Стамболъ удараю;
 Бѣле іой се у води рамена,
 Као есенѣ на планина инѣ,
 Или перѣ на бѣлом' лабуду.
 Залюблѣне остави таласе,
 У шарену одежду се бацы,
 И дигне се небу у облаке,
 Да разуме шта Дунавъ зактева.

Радостанъ іе Дунавъ дочекао,
 Бѣла іой є плеѣа загрліо,
 У чело іе полюбіо трипут',
 А у образъ пута по четири,
 Па іой онда тиіо проговара:
 Чуєшь Дуго, чуєшь добро мое,
 Дунавъ су ти люто увредили,
 Увредили и обезчестили,
 Єрь юнака гледаю безъ страха,
 И нѣговой ругаю се снаги.
 Аль тако ми мое вѣре тврде,
 И заклетве никадъ незгажене,
 Докъ є мене и мои таласи,
 Докъ се вію по небу облацы,
 И шарена услуша ме Дуга,
 Никадъ неѣе никосе похвалит',
 Да се снажном' ругао Дунаву
 И нѣгову презирао снагу;
 Єрь сруши-ѣу, што є за рушенѣ,
 Обори-ѣу, што за свальиванѣ,
 Изврати-ѣу, што за извраћанѣ,
 Потопи-ѣу, што є за топлѣнѣ,
 Подави-ѣу мало и велико,
 Погуши-ѣу што уз'има душу,
 Да се незна ни трага ни гласа,
 Нити да є што икада было.
 Веѣь ты Дуго, моя десна руко,
 Подигни се огнѣном' Истоку,

Преко мудры Нѣмачки држава,
 И Унгарске землѣ поносите,
 И Србіє, што раѣа юнаке,
 И силнога Царства Махмудова,
 У дворове црногъ Мора синѣ;
 Поздравъ нѣму одъ мене изручи,
 Какавъ млађий шилѣ старієму,
 И сосѣди, кои добро живе;
 Кажи нѣму да самъ га молю,
 А покорно, као што и валя,
 Као и лѣпо, што се и пристои,
 Те некъ да ти све оне таласе,
 Што самъ до садъ я му оправіо
 Опетъ ѣу му натрагъ ии вратити,
 Са захваломъ и іоштъ богатіє.
 Одатле се ты подигни Дуго,
 И Адриі похитай немирной,
 Вѣрной любви Дужда одъ Млѣтака,
 Па му поздравъ одъ мене изручи,
 Како валя, и како се пише;
 Кажи нѣму да самъ га молю,
 А покорно, као што и валя,
 Као и лѣпо, што се и пристои,
 Те некъ да ти све оне таласе,
 Што му црно море оправило,
 Яѣу му ии натрагъ повратити,
 Са захваломъ и іоштъ богатіє.
 И одатле подигни се Дуго,

У дворове Аталанта силног',
 Кои лѣпу грли Лісабону,
 Она незна, онъ любви Францію,
 А ни овой неостае вѣранъ,
 Веѣхъ милуе славну Британію,
 Америки ласка цвѣтаюћой,
 Све ии любви, све вара заедно,
 На войне ии подиже крваве,
 Ерѣ є любовь срца себичнога,
 Своє хоѣе да є свима туѣе;
 И тогъ Дуго одъ мене поздрави,
 Како валя и како се пише,
 Па му кажи да самъ га молю,
 А покорно, кано што и валя,
 Па и лѣпо, што се и пристои,
 Те некъ да ти све оне таласе,
 Што Адрија шилѣ му єдовна,
 Я ѣу му ии натрагъ повратити
 Са захваломъ и іоштѣ богатіе.
 Све подигни и мени се врати,
 Да ми будешѣ помоѣхъ поуздана.
 Прну Дуга, небу се подиже,
 Брзо прну, брже се превину,
 Преко мудры Нѣмачки држава,
 И Унгарске землѣ поносите,
 И Србіе, што раѣа юнаке,
 И силнога царства Махмудова,
 Те у синѣ Арапина дворе.

Изпануше три хиляде слугу,
 И хиляда ватрени делія,
 У дворове Дугу уведоше,
 Гди Господарь руйно піе вінце,
 Вінце піе, димове развія,
 Као юнакъ баряке витежске.
 Дубокъ поклонъ Дуга учинила,
 Дубокъ поклонъ до црне земљице,
 Докъ и ове проговори рѣчи:
 Црно Море, увекъ се славило,
 Славило се и веселило се!
 Лѣпъ ти поздравъ одъ тиіа Дунава,
 Какавъ млађій шилѣ старіему,
 И сосѣди, кои добро живе.
 Дунавъ те є лѣпо замолю,
 А покорно кано што и валя,
 Да м' узаймишь све оне таласе,
 Кое ти є до садъ оправіо,
 А онъ ће ти све іи повратити,
 Са захваломъ и іоштъ богатіе.
 Дакле Дуга ућутила мукомъ,
 Црно Море преватило рѣчи:
 Чуєшь Дуго, добро те познаємъ,
 Често мое ты крадєшь таласе,
 И даєшь іи моимъ душманима,
 Аль ако те кадъ уватимъ Дуго,
 Шиба-ђу те као бедевію,
 Некъ се смею слуге и деліе;

Садъ ид' оном' кои те е послао,
 Па му кажи, што ћешъ разумети;
 Да-ћу нѣму све оне таласе,
 Кое ми е до садъ оправіо,
 И кое самъ себи задржао,
 Као слуге и као деліе,
 Као и оне кое самъ предао,
 Или любви Дужда одъ Млѣтака,
 Иль Атланту жена неситоме,
 Као слуге и као деліе,
 Или као хитре гласоноше;
 Већъ му и то ты изправи Дуго,
 Да га любимъ и да га поштуемъ,
 Као свога старіи млађега,
 И сосѣда, съ коимъ добро живимъ;
 И ако му до неволѣ буде,
 Некъ ми яви, некъ ми се потужи,
 Учини-ћу што учинит' могу,
 Помоћи-ћу како знамъ најболѣ.
 'Вако сврши и одпусти Дугу,
 Она прне, небу се подигне,
 Брзо прну, бржесе превину
 Те Дунаву спаде предъ колѣна,
 Каже нѣму шта е разумѣла,
 Како га е море поздравило,
 Да ће нѣму све дати таласе,
 Кое му е дотле оправіо;
 Да га любви и да га поштуе,

Као свога старіи млађега,
 И сосѣда съ коимъ добро живи;
 И ако му буде одъ неволѣ,
 Некъ му яви, ил' му се потужи,
 Учини-ће, што учинит' може,
 Помоћи-ће, како зна найболѣ.
 Дуга сврши, Дунавъ се осмѣне;
 Тако Дуго, тако добро мое,
 Увекъ ти се земля радовала,
 А я ѣу ти господски платити,
 Помози ми, каяти се нећешъ.
 Аль ето ти лети Облачина,
 Дуга іой се превію крыла,
 Као еле одъ хиляду лѣта;
 Куда лети, тудъ сакрива сунце,
 И вѣтровы растове обара.
 Вели нъойзи яростный Дунаве:
 А гди ли си мрачна Облачино,
 Гди си была, нигди те не было,
 Ниси чула да самъ те викнуо,
 Већъ се канишь, те ми волю кваришь.
 Одговара мрачна Облачина,
 Не говори, као што се говори,
 Већъ урличе као громови люти:
 Та немой ме Дунаве псовати,
 Не мути ми у срцу отрове,
 Већъ ми кажи шта си наумію,
 Учини-ѣу што учинит' могу,

Што немогу немой ни искати,
 Као ни то да ти я долеѣмъ,
 Равно Дуги лако опасаной.
 Дакле Дунавъ променуо рѣчи:
 Добро дошла ако и доцнѣ,
 Само сврши што ѣу те молити;
 Де се крени горама Алпійскимъ,
 Швайцерима и Таліянцыма,
 Бѣломъ Брду у земљи Савойской,
 Ортелесу кодъ храбры Хелвета,
 Гори Ружи у Піемонтійскомъ,
 Маладети у Пиренеима,
 Замоли їи лѣпо и покорно,
 Некъ ти свое узайму снегове,
 Пренеси їи у землю Унгарску,
 У Унгарску землю поносити,
 Што се хвали међу юнацыма,
 Да се юнакъ надъ нѣомъ неналази
 Ни на небу, ни на земљи чарной,
 Ни на снаги, што руши градове,
 Нить на духу правомъ юначкоме,
 Вань єднога Бога истинога.
 Али ѣу їой скоро показати,
 Показать и освѣдочити,
 Да їой ништа сабля непомаже,
 Нити пушка вѣштогъ Граничара;
 Започе - ѣу гонити Острогонъ,
 Некъ му име постане истина,

Потопи-ћу нѣиве и усева,
 Разори-ћу Пешту поноситу,
 Обори-ћу бѣлога Будима,
 Гди е свѣтла круна Матиина;
 И ако ми Судба незакрати,
 Цѣлу ћу іој прелит' Кралѣвину,
 Све ћу живо водама подавит',
 Као мишеве у време пролећа;
 Таласима кое се уклони,
 Зидовима оно ћу побити;
 Ако кое утече одъ зида,
 Гладомъ ћу га уморит' ужаснымъ;
 Преко свега кое заостане,
 Одъ Дунава мора заирати,
 Кланя-ће се и припознава-ће,
 Да е Дунавъ юнакъ изабраный,
 Правый юнакъ и крви юначке.
 Овде Дунавъ бесѣду заврши,
 Бѣло му се зажарило лице,
 А очи му варнице сипаю,
 Као чеду прежалостне майке,
 Кадъ му животъ грозница разрива.
 Па и мрачна прену с' Облачина
 Дигнути се, налогъ извршити.
 Кадъ перае залюля незграпна,
 Затресе се землѣ осовина,
 Те и вода брегове пребацы,
 А и сунце блистати престане,

Данъ побѣгне, тама се разліе;
Свудъ предъ собомъ просипа ужасе,
А за собомъ бѣду и неволю;
Тако цвѣли што сунце подиже,
Разплакуе што съ даномъ попѣва;
Па и у злу рада другарица,
Послушала Дунавъ плаовитый,
И дигла се снегове скупити,
Да Унгарску потре поносити,
Нити криву, нити за што дужну.
Ой Унгарска земльо поносита,
Закука ти синя кукавица;
Тужна птица веселѣ неявля,
Добро пази, о злу ти се ради!

ЧЕТВРТА ПЪСМА

Ахъ, у ружи ѣрку види,
Аль не чує кѣри гласъ

І. С. Поповичъ.

Царъ зактева лете Граничари
И у воду и у ватру живу,
И на бритку саблю Турчинову,
Нити жале главе на живота,
Нить юначку уштеђую крвцу,
А за свога Цара Аустрійскогъ,
За свогъ Цара, за свогъ Фердинанда:
Судба рече, све се преправило,
Лака Дуга донела таласе,
Облачина пребрала снегове,
Па чекаю да се заповеди
Воду блюват', снегове сеяти.
На край свѣта, гди ништа недише,
Гди се губи луча у празнини,
Кудъ нить стрѣла домашила ока,
Нити мысли лаке долетиле,
Облацы се загрлили густе,
Не изъ мора соли напунѣног',
Нить изъ воде зеленог' езера,

Гди е Марко напаяо Шарца,
 Нить изъ росе ютра и вечера,
 Кою купе за образъ дѣвойке,
 Да бы бѣле и румене были,
 Быле бѣле као и Даница,
 А румене као вечернѣ сунце:
 Већ изъ ништа као и остало. —
 Кадъ е свѣтлость землю умотала,
 И у свѣтъ се животъ уселио,
 Облацы се навукоше густы,
 И свѣтлости препречише путе,
 А животу врата заклачаше,
 Те у крыло затворише таму,
 Каква была докъ ништа не было,
 И тишину задржаше прву,
 Какву неми имаю мртвацы.
 Ладно нѣдро таме и тишине,
 Престоль себи Судба изабрала,
 Сакрыла се оку и разуму,
 Да іой воля остане потайна.
 Слепый Случай и Нужда гвоздена
 Предъ могућномъ у пра се простире,
 Као Хина предъ своимъ тираномъ;
 Ньима срце неподиже груди,
 Већ каменѣ пустог' Тврдоглава,
 Нить имъ жиле кровь протиче топла,
 Санте синѣг' мора леденога:
 Господара слуге се нестиде!

Амо обе долетише слуге,
 Слепый Случай, и Нужда гвоздена,
 Одъ Дунава лаѣане водице.
 Како сташе на лице падоше,
 И гвоздена Нужда се преяви,
 Као дальна полагаано буря,
 Аль и страшно, као дальни громови:
 Моѣна Судбо, сильный Господару,
 И на небу и подъ небомъ плавимъ,
 И на земли и у нѣномъ крылу,
 И гдигодъ што дише и миче се,
 Или другомъ мѣста неуступа:
 Ты, што хоѣшь, оно быти мора,
 Што наумишь оно и свршуешь,
 Рушишь, зидашь, ствараешь и пропастишь,
 Своє волѣ пуна Господарка.
 Дунавъ твоє разумѣо рѣчи,
 Рѣчи чуо и покоріо се,
 Као што млаѣемъ чинити и валя,
 И слабіємъ што є пробитачно.
 Заклео се своіомъ вѣромъ тврдомъ,
 Вѣромъ тврдомъ на твоє могуѣство,
 И заклетвомъ никадъ незгаженомъ,
 Поруши-ѣе, што є за рушенѣ,
 Обори-ѣе, што за свальиванѣ,
 Изврати-ѣе што за изврѣанѣ,
 Потопи-ѣе, што є за топлѣнѣ,
 Подави-ѣе мало и велико,

Погуши-ће, што уз'има душу,
 Да се незна ни гласа на трага,
 Нити да е што икада было.
 Рече слуга па е умукао,
 Изъ облака Судбина загрми:
 Моя воля цѣлом' свѣту законъ,
 Слуга служи, Господарь зактева,
 Я што хоѳу, оно быти мора.
 Гласъ полети одъ свѣта до свѣта,
 Докъ не доѳе и блаженом' свѣту,
 Гди Хранитель човечества Красный
 У мирисным' храмовима дише.
 Нѣжду дѣцу зли санови плаше,
 А мирисе гоне Лаориѳи;
 И Хранитель човечества красный
 На громовне тргне се гласове,
 Меко срце стрѣле му пролете,
 Грозне груну низъ образе сузе.
 Майка у свом' умире единцу;
 Гробъ съ любовцомъ прима любовника;
 Како неће Човечества Геній
 Съ човечествомъ плакать страдаюѳимъ!
 Сузне очи подиже Судбини,
 И уздане изъ дубльине крайне:
 Судбо моѳна, страшна и ужасна,
 Буди снажна аль и мужествена,
 Буди страшна аль и милостива,
 Казни Судбо аль се немой светит'!

Іоштъ послѣднѣ нерече слоґове,
 Громъ зауи страшнїи одъ првог':
 Чась удара: моя буди воля!
 Кадъ послѣдня шупльина уѣути,
 Падне Генїй на колѣна снажна,
 Зави лице, замота образе.
 Аль се Дунавъ оружао ярый,
 Изпустио свое таласеве,
 Проуио поредъ бѣлог' Беча,
 И Пожуна, круне у Тесара,
 Коморана іоштъ неполюблѣног',
 На Острогонъ юришь ударіо,
 Острогону люте ране дао;
 Па одатле далѣ кренуо се,
 И Вацу є люте ране дао;
 И одатле далѣ се кренуо
 Свет-Андрію грдно окачіо;
 И одатле далѣ се кренуо
 Бѣлій Будимъ люто нагрдіо;
 Па се Пешти нагне поноситой
 Грдномъ снагомъ и яросѣу силномъ.
 Ал' є Пешта обграѣена яко,
 Опасана трострукимъ насипомъ,
 Те се сильным' ударцыма руга.
 Зацькао яростанъ Дунаве,
 Па дозивлѣ мрачну Облачину;
 Облачино ни гди те не было,
 Не долазишь отпала ти крыла!

А да видишь мрачну Облачину ,
 Дуга іой се превіаю крыла ,
 Као вите на Авали еле ,
 Куда лети тудь сакрива сунце ,
 И вѣтровы растове обара .
 Вели ньойзи яростань Дунаве :
 Та гди ли си мрачна Облачино ,
 Гди си была , ни гди те не было ,
 Што се канишь те ми волю кварись .
 Одговара мрачна Облачина :
 Непсуй мене честитый Дунаве ,
 Немути ми у срцу отрове ,
 Веъ погледни шта ѣу да урадимъ .
 То изрекне па крыло отвори ,
 Изъ крыла е снегове просула ;
 Побѣлише села и градови ,
 Као на мору бѣли лабудови ,
 Не на мору гди плове галие ,
 Веъ у ком' су одъ сребра таласи !
 Пада снежа како Богу воля ,
 Навеяла брда и долине ,
 Завеяла путе и друмове ,
 Нить се знаде кое земля тврда ,
 Нить кое су рѣке и потоцы ;
 Нить се виде зелена езера ,
 Нити вите люляю се еле ;
 Све у снегу снегомъ умотано ,
 Осѣдило и што младо было ,

Оладнило и што живо было.
 Ніе доста яда и чемера,
 Слепый Случай, хуля іогунаста,
 Украо се, на землю сишао,
 Арамбаша отишао Вѣтрова,
 Овако є нѣму говоріо:
 Славіо се сильный Арамбашо,
 Славіо се и веселіо се.
 Мене шилѣ Судба неумитна,
 Господарка и моя и твоя,
 Да ми вѣтра дашѣ найхитрієга,
 Найхитрієгъ и найнесташнієгъ,
 А и снагу да има пояку,
 Да савити може и сломити,
 Подигнути а и превалити,
 И развалит' ако до шта доѣе.
 А овай му одключа комору,
 Гди вѣтрови ланцы оваковани,
 Заповѣсти изгледаю радо;
 Дао му є злоѣуду Меѣаву,
 Найхитрієгъ вѣтра у Комори,
 Найхитрієгъ и найнесташнієгъ,
 И пояку кои има снагу,
 Да савити може и сломити,
 Подигнути а и превалити,
 И развалит' ако да шта доѣе.
 Слепый Случай туѣой радѣ невољи,
 Оде съ вѣтромъ Пешти поноситой,

Па га пусти мрачной Облацини,
 Облацини крыло разтргнуо,
 Просуо іой све колико инѣ,
 Па за овимъ доле полетио,
 Са сви страна Пешту обколио,
 Вее, баца, сметове подиже,
 И зараня стазе и путанѣ,
 И сокаке одъ тврдог' камена,
 И дуѣане тучемъ оковане,
 Да се нога крочити неможе,
 Нит' на кою корачити страну.
 Види Судба ником' невиѣна,
 Изъ свог' тамног' и пустог' облака,
 Видила є, чело намрштила,
 На слугу се разсердила люто.
 Загрмише яростни облацы:
 Заръ є моя сила малаксала?
 Или волѣ крѣпость попустила?
 Или ярость срамно окована?
 Иль osveta веѣ заборавлѣна?
 Гоштъ последнѣ не изрече рѣчи,
 Громъ зауи, небо се затресе,
 У окову Меѣава уздише,
 Слепый Случай по прау се валя.
 Аль се Дунавъ яко осиліо,
 Осиліо па и побѣснио,
 Забрекао као дотле никада,
 Да га страва погледати само,

А камо ли трпит' му ударце.
 По граду се народъ побуню,
 Као пчеле кадъ матицу траже;
 Оставля се ручакъ и вечера,
 Дућани се сѣйни затвораю,
 За кафане ни ко и непита;
 Свуда буна, свудъ се стра разлеже;
 Свакъ се плаши на добро неслути;
 Свако зебе, часу невѣруе;
 Пакъ и срце, одъ камена тврђе,
 Омекшало, за помоћъ припало,
 Као и око земли научено
 Подигло се сузомъ орошено.
 А и нѣжный човеч'ства Хранитель
 Одмотао завієно лице,
 Сузно око горе подигао,
 Изъ дубльине срца уздануо,
 Уздануо и проговоріо:
 Судбо моћна, страшна и ујасна,
 Буди снажна аль и мужествена,
 Буди страшна аль и милостива,
 Казни Судбо аль се немой светит',
 Єдномъ шибай, другомъ држи рукомъ,
 Да казнѣногъ ударъ неумлати!
 Опеть грозни загрме облацы:
 Я што хоћу оно быти мора,
 Моя воля закони свѣтова!
 Те и Сѣверъ и Зима допаде,

И Дунаву наметуше ланце,
 Какве носи и море ледено,
 Гди се бѣли сиграю медведи.
 Аль іоштъ Судба утишат' се неда,
 Нити Дунавъ молити престае
 Часъ молити, а часъ силити се,
 И примати одъ Дуге таласе,
 И стезати претежке окове,
 Да пуцаю и да разпадну се.
 Снажна Судба очи окренула
 У Африку хитрим' Французима,
 А Дунавъ се опростио ланца,
 Отекао и напрегао се;
 Више силе негъ доброг' одпора;
 Люди слаби већъ су изнемогли,
 А снажнији или невидили,
 Невидили или нехотѣли.
 Ударише звона и бубнѣви,
 Загрмише са града топови,
 Повикаше плашљиви гласови:
 Бѣжте дрвлю и синѣм' каменю,
 Некъ се спасе, кудъ кое узможе,
 Некъ утече, кудъ е коме прече.
 То рекоше па се разбѣгоше,
 А за њима вода навалила,
 Те имъ нере пете одъ чизама.
 Риче Дунавъ као Шпански бижови,
 Кадъ црвено опазе одѣло,

Иль и бораць ножемъ, окрвави!
 Све сокаке за часъ прекрилила,
 Прекрилила те и напунила;
 У собе се крозь прозоръ спустила,
 Кваси, каля свилене завѣсе,
 Кое бране одъ сунца образе,
 Залюблѣне одъ очю свѣта;
 Кваси софе и меке столице,
 Гди сѣдаю гости наймили;
 Разбацуе мекане постелѣ,
 Кое спреми женику дѣвойка;
 Лупа, руши скупе порцелане
 За китнясте куплѣне сватове;
 Извалюе врата заключана,
 Па се спушта у подруме бурна,
 Затворене кисели сушкарце,
 И ватрену просипа Малагу;
 Па и са тимъ ніе задовольна,
 Увлачи се у зидове тврде,
 Разделюе свезе и каменѣ,
 Руши основъ зданіе се свали,
 И убія ядногъ Господара,
 Подъ стреяма кои се сакрію,
 Као гошѣни одъ ястреба вrabцы,
 Иль одъ кивног' ловца голубови;
 Кровъ се спушта Господаръ неживи,
 Мртавъ пада у руину свога,
 Аль умируѣ чуетъ яукъ тужный,

Не дѣчице, коя съ нѣмъ издишу,
 Нити любе, коя е свршила,
 Веѣь сосѣда, кои помоѣь вичу,
 Кое равна постиже Судбина.
 Па и човекъ докле може ради,
 Напреже се и усилявасе,
 Одпире се не бы л' надячао,
 Надячао или прогоніо.
 Шупльи чамцы бѣде спасеніе,
 (Хвала Ною, што ии измислио),
 Возе хитре на води весларе,
 Да избаве, кое оста живо;
 Други гледе да гладь утишаю,
 Нешто лакшу одъ страа развалина,
 Аль страшнію и одъ саме смрти,
 Кадъ веѣь свака звѣзда се угаси,
 И у свѣту нестане пшенице,
 Па и проя изъ землѣ неникне,
 Нить на полю штогодъ се зелени.
 Плову барке по сокацы Пеште,
 Као хитре по мору галие;
 Нити весло место домашило,
 Кое малу полюби ножицу,
 Поносите Пештанске дѣвойке;
 Нить е лакше по Пешти пловити,
 Негъ Іасону по злаѣно руно;
 Ерѣ да падне Херкулесъ са сплава,
 Удави се, ни трага му нема,

У сред' Пеште прогута га вода,
 Као гладни на гори о҃҃҃ви.
 Зацвилише са крова гласови:
 Ходи барко, помози нам' бѣднѣм',
 А тако ти Бога Єдинога,
 Єдног' Бога и светог' Іована.
 Носи мога отца остарилогъ,
 Грѣхъ одъ Бога да у води сврши;
 Носи мога неякога сына,
 Онъ ће твоим' платити дѣцама;
 Носи мою преболестну майку,
 Да є суво прими гроба крыло;
 Носи мою сироту дѣвойку,
 Нѣна ће те дѣца благосилят';
 Носи мою вѣрну любовницу,
 Имашъ жену равнومه се надай;
 Немой мога заборавит' мужа,
 Онъ є рана, онъ моя обрана!
 Аль є барка мала и неяка,
 Све неможе примит' на еданпутъ;
 Ко пре дође избавлѣнь є бѣде,
 А последњи у гробу остаю;
 Єрь не прође ништа одъ времена,
 Паде стрея, подиже се вика,
 Ова преста, свию више нема,
 Душа имъ се надъ Пештомъ узвѣя,
 Отачбину познати неможе;
 Єрь ко юче свой є домъ имао;

И у дому ватру на огњишту,
 И кодъ ватре крижку прженице,
 И дѣчицу, да ѿ ѿ ѿ зарани;
 Данасъ свога не налази дома,
 Нить му ватра горе на огњишту,
 Нить се пржи крижка прженице,
 Нить е дѣце, да ѿ ѿ ѿ нарани;
 Све несита вода прогутала,
 Све отела да другом' однесе,
 Све пороби, да остане пуста,
 И обори да себе прогони.
 Погледао Човечества Геній,
 Да развиди шта му Пешта ради;
 Дуго Пешту очима тражіо,
 Свудъ тражіо, нигди ненашао,
 Докъ спрамъ бѣлог' не спази Будима
 Развалине водомъ преливене,
 Ерѣ треѣина у воду срушена,
 Неда Пешту за Пешту познати.
 Плакао е Човечества Хранитель,
 И грозне е проливао сузе;
 Аль садъ меко следило се срце,
 Очи суве сузе непознаю,
 И текъ крайнѣ у прсима чувство,
 Кое живи, кадъ е све умрло,
 Преко бледе гласъ устне превали,
 Гласъ ужаса, смрти и живота;
 Па се дуго немакнуо Геній,

Докъ не паде на колѣна снажна,
 И подиже облацыма руке,
 Те и гласомъ рече очаянымъ:
 Судбо моѣна, страшна и ужасна,
 Судбо страшна, и пуна свирѣцтва,
 Не бій само, него и помилуй,
 Чась и тебе очекуе страшный:
 Спомени се дана великога,
 Кадъ дѣлисмо Царованѣ свѣта;
 Спомени се ужаснога часа,
 Кадъ свршимо Царованѣ свѣта;
 Отмастителъ чека т' неумитный,
 Неумитногъ спраляшъ тужюца!
 Страшно Судбу грмлѣнѣ затресе,
 А у там и нѣной празнини,
 Те обрати очи на Унгарску,
 На Унгарску землю поноситу,
 Поноситу аль и разцвелѣну;
 Ерѣ Острогонѣ у црно завіенѣ,
 Свет-Андрія на ровини кука,
 Ваць запѣва, Будимѣ ядикуе,
 Аль у Пешти грдна рана плюшти,
 Ерѣ не само да іе Дунавѣ плѣни,
 Слепый Случай, злоѣудо створенѣ,
 И казнѣно ярѣмъ узкипило,
 Подкрао се, отишао Шпаніи,
 И у нѣнымъ дольнымъ гудурама,
 Покупіо паре магловите,

И задає, кои се неслажу,
 Покупію, Пешти прелетію,
 Подъ Пештомъ є подруме изрію,
 И стихіє у нѣи затворію,
 Те се гложе, и землю дрмаю,
 Обараю, што Дунавъ остави,
 И пустоше, што Дунавъ неможе.
 Види Судба сама се затресе,
 Одъ бѣсноѣе яростног' Дунава;
 Громъ узима, на землю га баца,
 Слєгый Случай у прашину слаже;
 Па є лаку муню оправила,
 До Дунава, Пешти поноситой:
 Слети муньо, слети добро мое,
 До Дунава, Пешти поноситой,
 Па му кажи, хитра моя слуго,
 Да се таки у корито врати,
 И мане се цвелити Пештанце,
 А тако му моя воля мила,
 И тако му неволя немила;
 Ако ли ме послушати неѣе,
 Изворъ ѣу му ѣубретомъ зарити,
 Разтопит' му огнѣвы таласе,
 А корито изврнути сунцу,
 У крчму ѣу оправит' му Нимфе,
 Нѣга самогъ привезати стѣни,
 И на нѣга папустити вrabце,
 Даню вrabце, ноѣу совуляге,

Да га море, да му срце горе,
 Да научи штити старієга,
 А силнієм' да се непротиви.
 Хитарь Слуга, плаовита муня,
 Слогъ последний и не саслушала,
 Брзо прну, брже се превину,
 Превину се Пешти поноситой,
 Поноситой и у ровинама,
 Па Дунаву строго проговара:
 Знашь Дунаве, ко самъ одъ куда самъ,
 Што самъ дошла садъ ъу ти казати:
 Она, коя што хоѣе свршуе,
 Што науми, учинити мора,
 Руши, зида, ствара и пропасти,
 Своє волѣ пуна Господарка,
 Послала ме, да ти заповедимъ,
 Да се таки у корито вратишь,
 И манешъ се Пеште поносите,
 И бѣлога града Матииногъ,
 А тако ти нѣна воля мила,
 И тако ти неволя немила;
 Ако ли се повратити неѣшь,
 Изворъ ѣе ти ѣубретомъ зарити,
 Разстопит' ти таласе огнѣвы
 А корито изврнути сунцу,
 У крчму ти оправити Нимфе
 Тебе самогъ привезати стѣни,
 И на тебе напустити врабце,

Даню вrabце, ноћу совуляге,
 Да те море, да ти срце горе,
 Да научишь штити старієга
 И силнієм' да се непротивишь.
 Чуо Дунавъ мило му не было,
 Аль є пуста у ярости бѣсна,
 У освети мѣре непознає.
 Па зацыкне као люта гуя,
 Кадъ последнѣ избаца єдове:
 Дуго моя, и мрачный Облаче,
 Ферманъ дође престати се мора.
 Веѣ ты Дуго сакупи таласе,
 Однеси ии бѣлом' Цариграду,
 Дай ии натрагъ мору честитоме,
 Поздрави га, као што се пристои,
 И захвали, као што се пише;
 И Адриі похити немирной,
 Вѣрной любви Дужда одъ Млѣтака,
 Па іой поздравъ одъ мене изручи,
 Захвали іой као што се пристои;
 И Атланту преяви се Дуго,
 Кои многе милує дѣвойке,
 Поздрави га лѣпо и пристойно,
 И захвали, те се препоручи,
 Когъ молити, не треба срдити,
 Доѣ же време опеть же требати.
 А ты мрачный крени се Облаче,
 Швайцерима и Таліянцыма,

Бѣломъ Брду у земли Савойской,
 Ортелесу кодъ храбры Хелвета,
 Гори Ружи у Піемонтійскомъ,
 Маладети у Піренеима,
 Лѣпъ имъ поздравъ одъ мене изручи
 Какавъ себи шилю непознани,
 Непознани аль и пріятельи.
 Кадъ свршите, натрагъ се вратите,
 Долетите у Шварцвалдъ планину,
 Гди се ладни зелене лугови,
 И сунчани цвѣтаю чотови,
 Росно цвѣће любкій мирись дае,
 А птичице пріятно пѣваю;
 У кристалне дворове ми доѣте,
 Найкрасніимъ пресуте бѣяма,
 Найкрасніимъ и найживотніимъ,
 Те с' блистаю као у ютру роса,
 И као Дуге поясъ чудноватый;
 Сладка ѣ намъ свирати мусика,
 Равно оной, што чуе дѣвойка,
 Кадъ іе любовь првый путь полюби;
 Мусику ѣ игра слѣдовати
 И у игри весело пѣванѣ
 Изъ танкога грла дѣвоячкогъ;
 Доѣте ми да се одморимо
 И руйногъ се винца напиємо
 Доста было што смо учинили,
 Нехте Судба и горе бы было!

П Е Т А П Ъ С М А .

Надъ нѣмъ блиста
Сунце, кое запада
Нити види кадгодъ нит'ѣ
Игда с' нѣму клонити.

Ісід. Ніколичъ.

Блѣдый мѣсець измеѣ' сѣйны звезда,
Драгій камень измеѣу бисера,
По ведром' є пловіо воздуху,
Као бѣла по єзеру Вила,
Не блиста се као ярко Сунце,
Нить прежиже као врело подне,
Али га є милина гледати,
Срце му се у грудма отвара,
Као вѣрном' пріятелю своме.
Равно малом' любичицы цвѣтку,
Сакривена коя се развія,
И мирисе невиѣна дає; —
И заслуги мужа честитого,
Кои добро у потаи ради,
Добро ради ништа незактева:
И мѣсець є у поноѣи тайной
Найсѣйній и найпріятній,

И найлѣпше Радости раздае,
Аль Славуйку у густом' шипрагу,
И дѣвойки лако умотаной,
Коя чека да іой дође драгій,
Да се бѣлым' загрле рукама,
И меденым' полюбе устнама,
Као два бѣла на грани голубка,
Са црвенимъ клюномъ и ногама;
Нить ће кивно видити іи око,
И маѣи явит' завистливой,
Коя стара Любовь непознае,
У младости никогъ неимала,
Па за Любовь никадъ и незнала,
Као за чедо Бога милостивог',
И човека нужду наймилію,
И младости найлѣпшу ружицу,
И заслуге вѣнаць найкрасніи,
Веѣ се псуе и цѣо данъ кара,
Пребацуе и прекоре чини,
Те се млади у ноѣ сакриваю,
Кадъ іи нико опазити неѣ,
Опазити или саслушати,
Окромъ тайног' ноѣ пріятеля
А блѣдога на небу месеца,
И несташны у лишѣу вѣтриѣа,
Што по граню на часъ се витлаю,
Часъ се дижу небу подъ облаке,
И съ златным' се играю звѣздама,

Друго ћути, на миру почива,
 За се незна, у сановма живи,
 Вань славуя, ком оста буданъ,
 Попѣвати вешто, гласовито,
 Те имъ каже шта имъ диже груди,
 И шта имъ се у очима свѣтли.
 Па и Геній човечества снажный
 Изишао изъ тамног' облака,
 И по тихой хода месечини;
 Туга му се види у кораку,
 А жалость му преклонила главу;
 Несвѣтли се као Анѣо Среће,
 Беѣ одѣло обукао црно,
 Какво носи плачевно опѣло,
 И у какво увише се Србљи,
 Кадъ имъ Франца, најболѣгъ Тесара,
 Одзва небо да земљу уцвѣли.
 Тужанъ Геній по полю ходіо,
 Као майка по гроблю сынова
 Иль невѣста за мртвымъ любовцемъ:
 Аль Божество и у туги грдно,
 И у грозной безконачно бѣди,
 Те и воля никадъ несклонѣна,
 Нить разума крыла окована;
 А што проѣе вратити се неда;
 Изъ мелема ново ниче здравлѣ.
 Па и Геній устне отворио,
 Гласъ туженѣ, а рѣчи утѣха,

У мыслима надежда се явля,
 Као стидливи на ружи пушольцы,
 Не говори ужасной Судбини,
 Ни Дунаву сасма послушньювом,
 Нити море укорава синѣ,
 Нить прегрдне брда голяте,
 Веѣ е свога дозивао слугу,
 Свога слугу вѣрногъ Доброчина,
 Кои, што ради, тайно извршуе,
 Као нѣма у Естеству поношь,
 Кады услужне разшилѣ духове,
 Да разносе животь долинама,
 Разкошїе зеленымъ горама,
 Па е слуги говорїо Генїй:
 Доброчине, моя вѣрна слуго,
 Меѣ одбраннымъ понайодбранїи,
 Меѣ любезнымъ понайлюбезнїи,
 Добре волѣ а ревностне руке,
 И раздашногъ ума и нѣдара,
 Слети слуго Бечу пребѣломе,
 Слети Бечу надъ нѣимъ се завитли,
 И закликни изъ грла танкога,
 Да, ко любви Бога истинога,
 И за негу почитуе майку,
 Радуе се душе спасенїю,
 И надежду у дѣчицы рани,
 Некъ похити, нека незастае,
 Отиснути безъ чегъ быти може,

Одлучити, што му е залично,
 И што треба бѣди и невољи,
 И човеку да животъ избави,
 Да не скаплѣ одъ тежкога глада,
 И одъ мраза да сахрани тѣло;
 Некъ све скупѣ и Пешти оправи,
 Она ће му све вратит' у злату,
 Кадъ се дигне, кадъ се опорави,
 И заблиста, као што се блистала.
 Чуо слуга крыла размакнуо,
 И слетио Бечу пребѣломе,
 Надъ Бечомъ се хитро завитлио,
 Завитлио танко закликнуо,
 А да танѣ неможе дѣвойка:
 Кои любѣ Бога истинога,
 И за негу почитуе майку,
 Радуе се душе спасенію,
 И надежду у дѣчицы рани,
 Некъ похити, нека незастае,
 Отиснути, безъ чег' быти може,
 Одлучити, што му е залично,
 И што треба бѣди и невољи,
 И човеку да животъ избави,
 Да не скаплѣ одъ тежкога глада,
 И одъ мраза да сахрани тѣло,
 Некъ све скупѣ и Пешти оправи,
 Она ће му све у злату вратит',
 Кадъ се дигне, кадъ се опорави,

И заблиста, као што се блистала.
 Кликъ зачуо Бесарь Фердинанде,
 У прадѣда старински дворови,
 Па е Бесарь кнѣнге написао,
 Разслао ии по земљи Острійской,
 И Чесима, кои браћу любе,
 Моравцыма срца любезнога,
 Слезацыма нѣжно чувствујућимъ,
 И Ерделю, земљи Хунядовой,
 Славоніи, своіой Аркадіи,
 Хорватима Царства бедемима,
 Далмаціи у край мора синѣгъ,
 Венеціи единой у свѣту,
 Ломбардима славнымъ изъ старина :
 Свудъ Бесаре кнѣнге разаслао,
 У кнѣнгама моли и налаже,
 А самъ напредъ са пунымъ рукама,
 Те и приспѣ у найболѣ доба,
 Да неволю згуши зіяюћу,
 И опрости жертве оковане.
 Свако добро свое има сласти,
 Едно добро съ другимъ се весели :
 И Бесару ніе на иначе,
 Ерѣ Бечліе таки притрчали,
 А Пожунцы за нѣима пристигли,
 Сегединцы таки прискочили,
 И Кикинда ништ' неборавила ;
 Види Бесарь душа му се смеши ,

А срце му игра у нѣдрама;
 Срѣ сладко є видит' човечество
 У чистієм' лику и одежди!
 Одъ милине Бесарѣ засузіо,
 А Геніи главу подигнуо,
 Дошетао до зеленог' луга,
 Зеленога и ладовитога,
 Дошетао у нѣг' улѣзао,
 Улѣзао и удивіо се;
 Срѣ у лугу звѣзда одскочила,
 И бисеромъ гране му прелила,
 Те се блиста као волшебна башта,
 Гди є дрвлѣ све драго каменѣ,
 И воздуси најлепши мириси;
 А свѣтле га обколе прилике,
 Обколе га, на колѣна падну,
 И свету му цѣливаю руку.
 Види Геній ударе му сузе
 Али сузе срдачне радости,
 И быстріє него ярко сунце,
 Ярко сунце после облачина;
 Види Геній па є повикао:
 Ты си сыне, милый Фердинанде!
 Мога вѣнца најкрасній цвѣте,
 Мое славе најсвѣтліи зраче,
 И поноса најдичній крине;
 Цвѣтай цвѣте, никадъ неувео,
 Свѣтли зраче, увѣкъ се блистао,

Поноси се поноситый крине,
 Те да съ тобомъ поноси се людство,
 Съ тобомъ живи, за тебе умире,
 Као и твоя вѣрна Србадія,
 Твоя дѣца а мои сынови:
 Живи чедо и блаженъ ми быю,
 И хвала ти на прекрасномъ вѣнцу.
 Оди ближе, ты младый юначе,
 Заслуга се несакрива свѣтла,
 И текъ земля смиренность зактева,
 Оди ближе мое вѣтво палме,
 Ты Стефане съ твоимъ Родителѣмъ,
 Изъ старина моимъ пріятелѣмъ,
 Као и тебе што е научію,
 Те ти младость и душу юначку
 Грли Старость у свѣту искусна:
 Вѣнаць примамаъ радо и весело,
 И хвала вамъ и живи ми были,
 Живили ми и дично цвѣтали,
 Да се ваши диче пріятельи,
 Пріятельи и ваши и мои!
 Па се другой окрене прилики:
 Грофъ Сеченый и тебе познаемъ,
 Видіо самъ твою вешту руку,
 Како силна Дунаво пробада,
 И одбія халовите санте,
 Да бродъ лакій силне непресеку,
 И уцвѣле човечество бѣдно:

Живи сыне и среѣанъ ми быю,
 И хвала ти на прекрасномъ вѣнцу!
 Па се треѣой окрене прилики:
 Вешеленый, и тебе познаемъ,
 Видю самъ твое хитре барке,
 И чуо самъ веселе гласове,
 Избавлѣны изъ ровина душа:
 Живи сыне, и среѣанъ ми быю,
 И хвала ти на прекрасномъ вѣнцу!
 И четвртою окрене с' прилики:
 Сыне Нако, и тебе познаемъ,
 Ты родъ любишь, онъ тебе поштуе,
 И у топлымъ негуе нѣдрама,
 Па и други сложили се люди
 Да ти вѣнаць оплету заслуге,
 Ерѣ што тѣло животу е драго,
 Тѣло живи али наранѣно,
 Нить одъ глади смръть е ужаснѣя,
 Као и свагда вѣрна другарица:
 Живи сыне, и среѣанъ ми быю,
 И хвала ти на прекрасномъ вѣнцу!
 И петой се окрене прилики:
 Баронъ Синна, тебе люби народъ,
 Ерѣ сироту голу намируешъ,
 А честито и какъ оно валя,
 Као и човекъ што може искати:
 Живи сыне, и среѣанъ ми быю,
 И хвала ти на прекрасномъ вѣнцу!

И шестой се окрене прилики :
 И за тебе, Ротшилде, чуо самъ,
 И твой вѣнаць даръ ми е любезанъ,
 И хвала ти и среѣанъ ми быю!
 Мало далѣ клече стотинама
 Накиѣене вѣнцыма прилике,
 Ньи е Геній лѣпо поздравію,
 Поздравію вѣнце имъ примію,
 И овако нѣима прословіо:
 Хвала дѣцо, и среѣни ми были,
 Имена су ваша назначена
 У звѣздама мог' неба ведрога.
 И кадъ време за награду доѣе,
 Мѣсто вѣнца круне ѣу вамъ дати,
 Мѣсто цвѣѣа Славу безконачну. —
 Рече Геній, па е уѣутао;
 Бѣло му се зажарило лице,
 Поносита узвисила глава,
 Спаде црна са тѣла одеѣда,
 Као црно са сунашца пятно,
 Те у свѣтлой заблиста се ризи,
 Као чиста у тами Невиностьъ:
 Па и ведра одазвасе пѣсма,
 Са холмиѣа изъ мирисны ружа,
 Гди естество сматра ствараюѣе,
 И прониѣе у ковнице тайне,
 Одъ кудъ дани являю се бѣли,
 И прилике изничу разума;

Одазва се и танко закличе :
 Зло изъ добра , добро изъ зла ниче ,
 Тако моѣна Судбина одреди ,
 Да посмрти , што никадъ непада ,
 Да провѣчи , што пропасть отвара ;
 Тако мудра силе союжава ,
 Да се саме концу управляю ;
 Една живи кадъ друга престае ,
 Друга бубри , кадъ прва малакше ,
 Една руши , што друга подиже ,
 Друга зида , да прва развали ,
 И на старымъ себи ровинама
 Престоль тврди кратко траяюѣй ;
 Еръ невѣранъ темель се отвара ,
 Престоль гута и ко на нѣмъ сѣди ,
 Мало после собственыи убитакъ
 Да изъ нѣдра пусти собственога .
 Тако моѣна са свѣтомъ се сигра ,
 Сигра нѣна свѣту образъ дае ;
 Само вѣчность есте постоянна ;
 Едно стои , време веѣь нетражи ;
 Као и животъ што с' меняти мора .
 Добро влада за зло се преправляй ;
 Зло те тишти на добро изгледай ;
 И све страда да човекъ оживи ,
 Онъ самъ пада да больи устане ,
 И умире , да с' за вѣчность роди .
 Изъ пропасти изниче Надежда ;

Веѣа бѣда веѣу носи снагу;
 И опасность раѣа пріятелѣ;
 Вышше буди издисай участ'е;
 Кады Богъ хоѣе, духови ревную;
 Люди руке пружаю велики,
 И Стефани народма прискачу,
 А сѣверный пружа юнакъ руке,
 Да ии скриле у лютой невольи,
 И заклоне одъ смртног' удара,
 Да с' не разспу да не попадаю,
 Веѣь у слогѣ къ Среѣи напредую,
 Пѣваюѣи за зло незнаюѣи!

ПРИМЪЧАНІЯ.

I. П ѣ с м а.

1. Хранитель, Геній Човечества. — Човеку є дати Умь, да у разна отношенія проникне, и изъ познаты на непозната, изъ оной, кой є истина очевидна, на она, кой се истина тражи, заключи, и тако изъ єдны свой обстоятельства друга преправи, изведе или баремъ позна, скопча и за ньи се преправи. У овом' смотренію по смыслу Митологіе постає Умь Хранителѣмъ човека, човечества, добія индивидуално лице (*individuum, individualem personam*), силу и обиталиште оны Божества, коя су одъ люди вышна, одъ Богова нижа, сферу Полубогова, Генія.

2. Прозракъ, єдань одъ духова, кои хранителю човечества на услугу стоє. — Умь човека има различна могуѣства; између други и могуѣство

изъ познаты на непозната, изъ садашњи на на будућа заключити. Ово могућство опетъ у смыслу Митологіе, коя своимъ Божествама служебне духове придае, постае лице, добія свомъ концу и опредѣленію сходно природу духа, и званіе, оно, што Умъ люда, човечеству, изъвити има, наложено извршити.

3. Налогъ Хранителя. — Искусство учи, да се одъ прилике сваке осме, десете године, великой зими и наводненію надати имамо, као што су то примѣчаніе неки явни листови іоштъ око среде зиме и учинили; но строгость, траянѣ, мокрота, свеобштность и друга ове зиме обстоятелства давала су заключити, да се чему необычномъ надати имамо и за то преправити треба.

II. П ѣ с м а.

1. Судба. — Законы естества у нечемъ открывени и познати, у свомъ внутренѣмъ найдублѣмъ союзу и послѣднѣмъ кон-

цу непостижени, даю частична понятія, изъ кой устае идеа Судбе, и ова равнымъ начиномъ по смыслу Митологіе и епическе опредѣлительности, добія индивидуално лице, и обиталиште Божества. У овомъ смотренію дѣйствує она невиѣна, неуправляна, самовольна, неумолима, сама себи конаць поставля, памѣреніе никомъ одкрыти немора, средства бира, одъ кой прво найспособніе мора да іой служи, ако и са собственомъ штетомъ, и противъ себе самогъ.

2. Гвоздена Нужда. Између други закона естествены свойства есте и нуждность, коя є заедно еданъ законъ существованія вообште. Ово свойство задржава и Судба, и она иста Митологія, коя Судбу подиже у сферу Божества, дає и нуждности природу духа, кои іой налоге извршава.

3. Слепый Случай. — Люди зако- не естества, као што є горе речено, са свимъ непознаю, и ово обстоятелство чини, да дѣйствіє оно у естеству, когъ є союзъ са другима сакривень, характеръ нуждности зба-

ца, и друго, овом' управъ противоположено свойство Случая добія. И ово свойство при Судбе идеи задржано, премешта Митологія у окружіе Судби, као Божеству, на услугу стоећи духова.

4. Налогъ Судбе. — По непознатим' естества законима морало се одъ Острогона ниже Дунавомъ 1838 године наводненіе догодити, и свуда велика вода башъ у том' окружію брегове свое прелити и велику штету учинити, кое стихотворство вољи вышши владаюћи сила аллигорически приписуе.

III. П ѣ с м а.

1. Дунавъ. Стихотворство дае оном' што не сушчествуе, сушчествованіе, мртво оживљава, ствари дае лице, у единѣно уводи у дружество, изъ едног' производи више, мрачно осветљава, немом' улива гласове, словомъ: сила Стихотворства есте свемогућа. Ово Стихотворство улило е Дунаву животъ, дало му лице и волю, опредѣлило

му є дѣйствованѣ, и окружило га обстоятелствама. То исто валя разумети и

2. о Дуги, и

3. о Облачини. — Сва ова волшебна Стихотворства сила дотле свое право свемогуѣство задржава, докле се у границама поетическе потребе и логическе као и метафисическе сходности и фисическе истинитости задржава; изванѣ овій граница остає сила нѣна истина свемогуѣна, али не производи више сушчества него несущества.

4. Налогъ Дунава. — Година 1837. Оставила є Дунавѣ великій, воду премногу. Зима 1837/8 была є цела влажна. Снегъ є толикій пао, да су га око среде зиме на самомъ Пеште и Будима простору среднымъ числомъ на 18 милліона центи есапили. У Януарию было є и таковы дана, да се єдва изъ домова крочити могло. Све се ово збыло по законима естества, кое стихотворство вољи и сили своій на то створены сушчества приписує.

IV. П ъ с м а.

Само наводненіе. — Марта 1. по старомъ Календару, у вторникъ, око 5. сати после полдне ударе Звона, загрме топови, народъ на Дунавъ похити и ужасне се, ерь вода тако растити зачне, да мало што превученый насипъ непреспе. Али за садъ срећно прође. Ледъ, кои е іоштъ око Божића на найвећой води стао, крене се, али око 7. сати већь опеть стане. Страже се на све стране поставе, люди съ лучевма по насипу ходе и надгледаю; іоштъ е све у миру, кадъ око 10. сати вода махъ отме и у варошь преко насипа груне. Садъ сви своим' домовима. Вода е као буица широмъ у варошь улазила; за часъ се подруми напуне, и вода потегне у себе. Люди се никадъ ни су великой води надали; найвећу су до колена узимали: и зато ствари по найвише на астале, ормане и пеѣке подижу. За два сата вода у вароши страшно нарaste, тако да у собама све поизвраћа и потоци. После поноћи вода

яко опадне, али са зоромь іоштъ веѣма на-
расте. Марта 2 у Среду, провали се Вацкій
и Шорокшарскій насипъ, и вода у она пред-
градія груне, коя се никадъ нъой надала ни-
су. Али со тимъ веѣа опасность, веѣа не-
воля и беда. Само велика піяца, часть Іо-
сифове піяце, Инвалидскій домъ, Лутеранска
Црква и часть піяце остану непокрывена,
друго све вода обліе. На гдикои є мести
вода была полдругій, а на гдикои два хвата
высока. Марта 3 у Четвртакъ съ великомъ
хукомъ проуи ледъ Дунавомъ носеѣи лаѣе,
воденице, кое читаве, кое разлупане, кое
съ людма, кое безъ люди, кровове куѣа,
дрва, и вода є яко растла, коя ноѣу изме-
ѣу Четвртка и Петка найвеѣу точку достиг-
не, тако да су веѣь мыслили, да ѣе и оно,
што є суво остало, да преліе. Высіна воде
была є $29^{\circ} 4' 9''$ надъ 0. и пребацыла є ону
одъ 1775 са $4^{\circ} 7' 1''$ Измеѣу Марта 1. и 2.
3. и 4. кажу да се примѣтило тресенѣ землѣ.
У Петацъ начне вода опадати, и у Суббо-
ту се могло сувымъ ходити. Кадъ човекъ

себи представи да се између 4299 домова
 2330 сруше и 823 тако повреде, да се теж-
 ко у њима живити може; кадъ човекъ себи
 представи, да се никудъ бегати нема, него
 на таванъ куће, која ће таки да падне;
 кадъ човекъ помисли, како е онда, кадъ
 гладъ, стра, зима, очаяніе о спасенію зія;
 кадъ човекъ помисли, како е онда, кадъ е
 юче свой Господарь быо, а данасъ туђь слу-
 га постае; кадъ човекъ са своју страна вику
 смрти, бѣде, неволѣ чуе: кадъ човекъ све
 ово себи живо представи, и оне развалине,
 кое е вода после себе оставила, види, и
 люде на њима као на гробовима свое фами-
 ліе и иманя у немой туги и ладноѣм очаянія
 опази — мора се згрозити, мора горку туге
 и човеческог' соболѣзнованія сузу пустити.
 Кои ово не види, не може ни помислити.
 Штета е велика; међу іе одъ прилике на
 70 милліона Сребра.

V. П ѣ с м а.

Ньюво Цесаро-Кралѣвско Величество, Милостивѣйшій нашъ Государь таки е изъ собствене приватне свое кассе дао на страдаоце 20,000 ф. Сребра, и наложио е свом' люблѣном' стрицу, Палатину Унгарске, да се са явним' стварма по свом' благоразсмотренію на помоћь бѣдны служити може. На све су стране съ места поруке и налози разслани, да се бѣднима помоћь, што већа, скупля и шилѣ.

Ньюво Цесаро-Кралѣвско Высочество, общелюблѣный нашъ Палатинъ тако се при оной бѣди дѣятеланъ показао, да се слободно казати сме, да сва средства, и она коя су бѣду умалявала, и она, коя нѣна слѣдства поправляю и предупређаваю, одъ нѣга есу. Онъ се овомъ приликомъ као Анѣо хранитель међу нама десіо; обща хвала, обща любовь гледа-ће да му благородство овог' човеколюбивог' стараня примѣено, осећено и признано изяви.

Ньюво Цесаро - Кралѣвско Высочество Принцъ Стефанъ, достойный сынъ великог' Свога отца, прелазіо е крозь санте, кое су свакій часъ чамаць извратити, разбити претиле, носеѣи бѣднима утѣшеніе, ободреніе, помоѣь.

Грофъ С. Сеченьи превозіо е самъ люде у Будимъ.

Баронъ Н. Вешеленьи избавляо е люде у Тосиф. предградію, гди е нужда найвеѣа была.

Баронъ Синна дао е таки 40,000 ф. Сребра, и завео е дружство, кое ѣе своим' прилозима несреѣу страдаоца да умекша.

Баронъ Ротшилдь дао е бѣдныма 15,000 ф. Сребра, као поклонъ, и 400,000 ф. Сребра са 2. и 3. процен. у займъ и тс на 40 година.

Г. Нако дао е за цело време потопа свакій данъ по двапутъ за 300 душа леба и ела готовити и делити.

Ньюво Императорско Величество, Николай, Самодержаць Руссіе, послао е као

Притяжатель Унгарског' едног' полка бѣд-
нима 5000 дуката.

Ныова Ексцелленція, Высокопреосвя-
щенѣйшій и Высокодостойнѣйшій Господинъ
Стефанъ Станковиѣъ Архи-Епископъ Карло-
вачкій и Митрополитъ Србскій и Влашкій
посѣтио е вѣрне свое утѣшителнымъ словомъ
кое е у Будиму и Пешти, испунѣнь чувства
човечности и братолюбія, говоріо, а Цркве
свое помоѣу, кою е недавно изъ Карловаца
послао.

1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р 19 Ср II 698.1

ИЗДАО

ТЕОДОРЪ ПАВЛОВИЧЪ

Табуларный Адвокатъ.

У

П Е Ш Т И.